Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Чужая… просто Чужая

Я, разумеется, не утерпел до Москвы, и как только видел Заю в Одноклассниках онлайн, вступал в беседу. И кроме очевидных вопросов про здоровье, поиски работы и квартиры, интересовался, почему вдруг их налаженная семейная жизнь пошла под откос, и нет ли шансов для примирения. Зайкины ответы были типично женскими, противоречивыми.
— Никто мне не нужен. Я его по-прежнему люблю. — Хочу к тебе. Приезжай поскорее. — Звонил как-то. Ну так, ни о чем. Как доехала, как устроилась. О ребенке, нет, не спрашивал. — А сегодня ребеночек первый раз стал толкаться. Я даже заплакала. Нет, от счастья. Что я не одна. УЗИ не делала, но сто процентов уверена, что мальчик. — Умираю, гранат хочу, — и в ответ на мою реплику сказать об этом тете, в чьей семье она жила, ведь не откажет же в такой малости беременной племяннице, — ой, нет, стыдно. Я и так им столько неудобств причиняю. Тут я вынужден был прочесть нотацию, что прихоти беременных не просто каприз, что организм таким образом сигнализирует о потребности в каком-то микроэлементе, и сегодня ты из ложной стыдливости сэкономишь родственникам сто рублей, а завтра, не дай бог, будут проблемы со здоровьем у ребенка, сотней тысяч не отделаешься. Вроде поняла, прониклась, обещала сообщать близким о насущных потребностях. Через несколько дней, чуть ли не слово в слово: — Умираю, копченой рыбки хочу!
Долго ли, коротко, но апрель наступил, поездка состоялась, деловая часть завершилась, и настал день встречи с Заей в не по-весеннему холодной, слезам не верящей Москве.
Я никогда ранее не видел Заю в теплой, зимней одежде. Пока у нас было жарко, она всегда была в легком платьице, в октябре могла накинуть тонкую курточку сверху. А сейчас — шапка, шарф, пуховик, сапоги, — не удивительно, что в вестибюле какой-то станции метро, где мы условились увидеться, я на первый взгляд воспринял ее беременность не трехмесячной, а шестимесячной, если не больше. Даже обнимал с осторожностью. Даже хотел спросить, мол, тебе сексом можно заниматься, ты уверена? Потом прикинул, что реальный срок-то маленький, и если б не хотела, то и не встретилась бы, не сообщила бы свой московский номер.
Ну ладно… Пообедали, снова спустились в подземку, поехали в «нумера». Стояли на перроне и в вагоне метро в обнимку, целовались слегка, как молодые студенты… ррромантика, черт подери… коей я был лишен в годы своей юности. Опять разговор касается будущего ребенка, что-то вроде, как Зая его назовет. Даг-Маг хотел так-то, на тот момент Зая с ним была согласна, но сейчас думает иначе, отчество если и сохранит, то фамилию даст обязательно свою отцовскую.
Гостиница. Раздеваемся. Помогаю снимать Зае верхнюю одежду. Кошу в нетерпении, когда ж в поле зрения появится воочию ее округлившийся животик. А ни фига… ничего похожего на фигуру женщины в положении нет и близко… спинным мозгом уже чувствую, что-то неладное, но сохраняя бодрый тон, делаю комплимент, дескать, вот как до сих изящно выглядишь, Зайка, если б не знать — в жизни не догадаешься.
Зая несколько секунд стоит как в ступоре посреди комнаты. И внезапно, припав мне на грудь, разражается слезами: — Я потеряла ребенка… Извини… Не смогла тебе об этом написать… Знала, как ты этого хотел и ждал, не решилась сказать правду. Мне очень больно и обидно. Прости, пожалуйста! Мне плохо, до сих пор там кровит. У тебя же есть презервативы? Без них

не получится. Только ты у меня остался, не бросай меня!
Теперь в ступоре я. Прижимаю к себе содрогающуюся от рыданий Заю, машинально глажу ее по волосам, вдыхаю воскрешающий незабываемые воспоминания запах ее волос, ее парфюма, ее тела, и во мне происходит борьба двух начал. Жалость и сочувствие к бедной девушке, обманутой в лучших своих ожиданиях, и потерявшей в довершение всех бед ребенка, — это, естественно, с одной стороны. А с другой, холодной склизкой змеей заползает в душу обида. Почему было не сказать о выкидыше сразу? Зачем она продолжала врать? Ведь очевидно, обман рано или поздно бы вскрылся. Мне казалось, Зая всецело доверяет мне и откровенна во всем. Оказывается, нет! Значит, из каких-то неясных своих побуждений может хитрить и юлить, добиваясь непонятно чего? Досадно!
Ну ладно… Бормочу что-то сочувствующее и утешающее, уверяю, что все заживет и пройдет, что она еще встретит достойного парня и родит от него много детей. Плач становится горше и пронзительней, и пока не перешел в истерику, меняю тему на бытовую. Как-то во время недавнего общения Зая сказала, что ищет работу и хочет снять квартиру для отдельного от родственников проживания, а я выразил сомнение, что ей это удастся — какой это бизнесмен будет настолько наивен, чтобы принимать беременную сотрудницу, и платить ей потом отпускные и декретные, — и посоветовал до родов жить у тетки, раз уж категорически не хочет возвращаться в отчий дом, а потом будет видно. Тема перспективных планов Заю успокаивает, она перестает рыдать, утирается платочком, отвечает по сути и начинает деловито раздеваться дальше.
Некий внутренний барьер мешает мне пока полноценно настроиться на предстоящий секс, с учетом только что прозвучавших «у меня там до сих пор кровит». Пытаюсь осторожно разузнать настрой девушки, типа, может, пока не надо, если ей будет больно или неприятно, или может, как-то по-другому? Зая поджимает губы и со всей решительностью, будто топнув ножкой или ударив рукой по столу, произносит: — Надо! — и через секунду, уловив, что в каких-то ситуациях напор не лучшая тактика, меняет интонацию на просительно-плаксивую, — ну пожалуйста, мне это надо! Я тебя очень прошу!
На что только не пойдет мужчина, лишь бы женщина в его присутствии не заплакала. Тот половой акт, который мы совершили в классическом исполнении и в миссионерской позе, с использованием презерватива и с минимумом предварительных ласк, не имел никакого отношения к красивой эротике и развратной порнографии, к получению полноценного наслаждения в процессе и бурного финала в конце. Это был, как понимаю, скорее не половой, а психологический акт, которым Зая хотела себе доказать, что еще желанна как женщина и жизнь не кончена, несмотря на все перипетии неудачного брака и потери ребенка. И надеюсь, в меру своих сил, хоть мое состояние было близко к известному «ебу и плачу», я укреплению этой уверенности способствовал. Заю надо было трахнуть, надо было провести символичную черту под прошлым, чтоб начать жить настоящим, и я это сделал.
Ну, а потом, сбегав быстренько в душ, и скривив лицо при выбрасывании презерватива с неприятным окрасом, от которого мороз пробегал по коже, я пролежал в обнимку с Заей все оставшееся время уединения. Вынес шквал эмоций, которые невозможно было передать при переписке, когда восторг новобрачной чересчур уж быстро сменился разочарованием постылой жены. Выслушал обиды чуть ли не на весь мир, от родителей и сестры, до тетки и московских родственниц, от пристального внимания к своей персоне в Даг-Маговских краях до полнейшего безразличия окружающих в столичных. Дал ей выплакаться и выговориться.

И под конец встречи, удивительным, или же, наоборот, вполне логичным образом, настроение Заи улучшилось, пошли шутки и приколы, посыпались вопросы о новых любовницах, не будь определенных физиологических причин, наверняка еще бы замутили чего-нибудь этакого из нашего привычного репертуара, а самое главное, — она повернулась мыслями от прошлого к будущему, и стала как-то планировать свою предстоящую жизнь. Как выяснилось, у нее были еще родственники в Москве (помимо той тетки, у которой она жила в ту пору), пробавляющиеся торговлей чуть ли не с советских лет, с устройством на работу кассиром-продавцом-консультантом проблем не намечалось, единственное, к чему надо было подойти взвешенно и продуманно, к поиску женщин-землячек, с которыми она могла бы снимать квартиру в складчину. Только твердо встав на ноги и зарабатывая нормальные деньги, чтобы не зависеть ни от каких родственников и иметь право не слушать их
нотации, она может и приедет погостить в родные края, вот именно что погостить, потому что жить она решила в Москве, — огласила свои не столь отдаленные планы Зая. На мой совет восстановить анкету на Мамбе или каким-то другим способом познакомиться с парнем, не монашкой же ей жить в конце концов, она сперва морщилась и отнекивалась, говорила, что никого не хочет, что ей достаточно и меня, несмотря на всю на воде вилами писаную регулярность моих поездок в Москву и ее предполагаемых визитов в родные края, но потом, прикинув, что речь идет не о двух-трех месяцах, а возможно, и долгих годах, прониклась и нехотя, будто делая мне уступку, согласилась.
На этой ноте мы и расстались. Я через день вернулся домой, она спустя какое-то время устроилась на работу, отыскав таких же покорительниц столицы с родных мест, ушла жить с ними на квартиру. Интенсивность нашего общения сократилась, пусть физически не очень тяжелая, но изматывающая работа кассира с самы ми причудливыми сочетаниями смен, не позволяла ей часто заходить в Инет, а при совпадении выходов онлайн бывало, что уже было не о чем говорить.
И когда через несколько месяцев (кажется, осенью 2012 года) настало время моей следующей поездки в Москву, я даже не был уверен, что мы с Заей встретимся. Так-то она на «ура» восприняла информацию, что скоро буду в «нерезиновой». Пробило разочек на вирт и несколько воспоминаний о наших былых встречах времен ее пребывания «чужой невестой». Но случилась какая-то закавыка с телефонами. Почему-то Зая часто меняла номера, то переходя от одного оператора к другому, то ради участия в каких-то акциях и в рамках оператора. Один номер оказался уже неактуальным, во втором (со слов Заи) она перепутала цифры, естественно, я не дозвонился. Короче, я уже был в Москве, а ее точный номер был пока мне не известен, и я даже грешным делом думал, она нарочно так запутывает, чтобы и прямо не обидеть отказом, и в то же время соблюсти верность парню, если уж таковой нашелся, и она стала с ним встречаться. Но буквально в последний момент пробилась ее реплика, вот мол, мой точный номер, я тебя очень жду, очень хочу, послезавтра весь день свободна, с утра и до вечера, никаких других подруг на этот день не планируй, этот день мой и никакие возражения не принимаются.
Возражений у меня не было. Я ей тут же перезвонил, подтвердил, что послезавтра встреча состоится, уточнили место и время свидания, а насчет завтра (хотя Зая и работала, но потребовала отчета, что я буду делать накануне) я пояснил, что днем буду заниматься делами, а вечером планирую встретиться с другом, выпить пару рюмок чая, никаких подруг, никаких

оснований для беспочвенной ревности, не извольте сумлеваться.
И вот, «завтра» вечером сижу я с другом — небезызвестным вам Жилем — в кабаке. Пьем водочку, закусываем, говорим о том, о сем, о футболе и политике, о Мендозе и мендозянках, о сторьках и их героинях, хорошо так сидим, душевно, вторую бутылку доканчиваем, и тут, дзинь, звонит мой мобильный. Кто звонит? Ну конечно же, Зая! Алло-алло, привет — большой привет, что делаешь — как и говорил, сижу с другом в кабаке, отдыхаем культурно, водку пьянствуем, но безобразий не нарушаем.
— И скоро небось по девочкам пойдете, — начинает Зая утрированную попытку докопаться на пустом месте, — а то я вас не знаю. Сейчас еще добавите и пойдете искать себе приключений на одно место.
Уж кто-кто, а Зайка никогда себя ревнивицей не позиционировала, и даже подаренную ей книжку, редчайший случай, до конца не дочитала. Меня это сильно веселит, еще и принятое на грудь добавляет куража, я подмигиваю Жилю и полностью в рамках сценария, делаю попытку так же утрированно оправдаться:
— Ну что ты говоришь, дорогая? Какие девочки, какие приключения? Мы тут с солидным человеком сидим, важные вопросы обсуждаем, как не стыдно, даже в мыслях такое не держим.
У Жиля загораются глаза, он тянет руку к трубке, а на лице — умоляющее выражение: ну дай, дай мне с ней поговорить. — На, — говорю Зае, — чтоб не сомневалась, поговори с моим другом. Он тебе подтвердит, что у нас дружеская встреча и никаких девочек.
— Алло! — говорит бархатным голосом Жиль. — Добрый вечер, уважаемая! Можно узнать, как Вас зовут? Зая, очень приятно! Какое красивое имя! А я Жиль. Спасибо! Мы с Вашим супругом... — увидев мое зверское лицо, поправляется, — мы с Вашим другом давние знакомые, и хочу Вас заверить, что я знаю его как исключительно порядочного, умного, интеллигентного человека, который и мухи не обидит, тем более Вас — такую очаровательную сударыню. Нет, позвольте, раз говорю, значит, знаю, Вы безусловно очаровательны и обаятельны. Ну все, передаю ему трубку, а то сейчас этот Отелло меня задушит в приступе ревности. «Отелло» душит не ревность, а смех, кое-как превозмогая себя, беру трубку: — Ну что, Зай, все нормально? Ты просто так позвонила или хотела насчет завтра что-то уточнить? Да-да, как договорились. Нет, много пить не буду. Да, скоро пойдем по домам. Ну давай, целую, пока!
Жиль разливает, поднимает экстра-тост «за вас», пьем, выдыхаем, закусываем, закуриваем. — Эх, — произносит он мечтательным тоном, — какой голосок, а? Сколько ей лет? М-да, не девочка, а конфетка! Ну ты прохиндей, отхватил же себе!
И сама «послезавтрашняя» встреча прошла выше всех похвал. Рука об руку мы бродили по осенней Москве, ели мороженое, пили кофе, целовались в кстати подвернувшейся арке-проходе с улицы во дворы, в приступе озорства играли в догонялки в гулком и безлюдном подземном переходе. Дождались часа, на который была заказана гостиница. Зашли, обнялись, слились в упоении. И еще раз. И после сиесты еще раз. И все было, как год назад, жарким летом и не менее жаркой осенью 2011 года. Точно так же, насытившись поцелуями, толкала Зая мою голову вниз, и я вылизывал ее со всей страстью, стремясь доставить ей как можно больше удовольствия за месяцы вынужденного целомудрия. Точно так же, я трахал Заю в миссионерке и раком, опять-таки удивляясь, как мой стержень не пронзает насквозь ее худенькое тельце, и она вопит не от боли, а от кайфа. Точно так же,

почувствовав, что близок ее оргазм, я нырял ей между ног, и впивался в средоточие женского естества, выманивал языком, губами, руками ту сладкую тряску и сладкое обмякание, за которые получал заслуженный приз — смутную улыбку улетевшей на седьмое небо подруги. Точно так же, истомившись в нетерпении, я укладывал властной рукой ее голову на подушку и ебал в рот, пока обжигающая нутро сперма не вырывалась белой лавой, заполняя ротик и вытекая наружу, стекая по подбородку и шее, вплоть до махонькой припухлости грудок.
Я был бы счастлив, если б мог здесь поставить точку. Если б мог, не кривя душой, добавить сакраментальное «и больше мы не встречались». Увы! Это был пик наших встреч с Заей. За которым, трижды увы, наступил спад. Да не просто спад, а можно сказать, падение в пропасть. Поэтому дальнейшее, уж простите, сжато и схематично, ибо вспоминать неприятно.
Что-то не так и не в ту степь пошло у Заи. Попала в плохую компанию или дурного совета послушалась, не могу сказать. Началась череда смен работ и квартир. Начались поездки из Москвы в Эмскую область и обратно. Начались попытки развести меня на деньги (подозреваю, что не одного меня). Да, я дарил ей подарки на ДР и свадьбу, да, я в меру возможности помог ей материально, когда она была в трудной ситуации в Москве. Да, я не отказывался то сто рублей ей на телефон положить, то за какой-то кредит очередной взнос сделать. Но всему есть своя мера, и довольно скоро я дал ей понять, что я папиком, а она моей содержанкой не будет.
От вымогательства до воровства не так уж далеко. В какой-то день Зая попросила не две и не три, а двадцать тысяч. Якобы взаймы. Ага, взаймы. Что случилось? Была у кого-то в гостях, хозяин после ее ухода обнаружил пропажу денег, заявил в полицию, ее поймали и взяли подписку о невыезде. Потом судили и посадили. Срок она получила совсем маленький (понятно, что родственники возместили ущерб и сделали все возможное, чтобы минимизировать кару), меньше полугода, и отбывала не в настоящей зоне, а в колонии-поселении, откуда на выходные отпускают домой.
Отсидела, вышла. Но на путь исправления, как пишут в официальных документах, подозреваю, что не встала. Моталась по маршруту Москва-Эмск, якобы челночила со знакомыми женского пола. Последнее подчеркивала всегда, и не уставала повторять, что никаких мужчин, кроме меня и бывшего мужа, у нее никогда не было. А в колонии, хоть и уговаривали, но не принуждали, и лесбиянкой она не стала, там у них это было строго по желанию и для взаимного удовольствия.
До 2016 года я с ней встретился еще дважды, затем заглохла и информационная связь. Все же тянуло меня к ней, тянуло памятью тела, ныла ностальгия, пытаясь подменить суровое настоящее воспоминаниями о прошлом. Не мог перебороть себя, когда вдруг во время редких бесед в Одноклассниках выяснялось, что в такой-то день моего пребывания в Эмске и Зая будет там. Казалось, вдруг воскреснут былые дни и былые отношения. Задор и пыл, нега и страсть. Нет, не воскресли. Оба раза она отговорилась критическими днями, интим был без снятия трусиков, и по факту — трахом в рот, в ее излюбленной позе — головой на подушке, чтоб меньше напрягаться. Про общение и говорить нечего. Грустно, но факт. И стала мне «чужая невеста» и «чужая жена» Зая совершенно Чужой.
P. S. Этот грустный финал стоило бы снабдить парафразом-толкованием известной сентенции Гегеля о том, сколько раз и в каких видах повторяется история. Георг Вильгельм Фридрих утверждал, что дважды — как трагедия и как фарс. Я стал было загибать пальцы, подсчитывая великое множество благоприятных случаев в противовес единственному

трагифарсу, но по зрелому размышлению решил с философом согласиться. Хотя бы в концептуальном аспекте. Ведь исходов формально два… найдет ли она свое женское счастье или нет? Остальное — молчание.